

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 305–314
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 305–314
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-305-314>

Научная статья
УДК [94+338.2:336](470+571)|18/19|+929[Витте+Коковцов+Барк]

Проблема преемственности государственной финансово-экономической политики в эпоху Николая II: Витте, Коковцов, Барк

М. В. Зайцев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Зайцев Максим Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, ZaytsevMV@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2035-2786>

Аннотация. Объектом изучения являются принципы государственной экономической политики в правление Николая II. Рассматриваются взгляды и деятельность министров финансов С. Ю. Витте, В. Н. Коковцова и П. Л. Барка. Анализируются причины и суть изменений в экономических приоритетах государства. Главный вывод заключается в том, что политику Министерства финансов в тот период отличали серьезные колебания, вызванные объективными и субъективными обстоятельствами.

Ключевые слова: экономическая история России, экономическая политика, Министерство финансов, С. Ю. Витте, В. Н. Коковцов, П. Л. Барк

Для цитирования: Зайцев М. В. Проблема преемственности государственной финансово-экономической политики в эпоху Николая II: Витте, Коковцов, Барк // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 305–314. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-305-314>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The problem of the continuity of state financial and economic policy in the era of Nicholas II: Witte, Kokovtsov, Bark

M. V. Zaytsev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Maxim V. Zaytsev, ZaytsevMV@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2035-2786>

Abstract. The object of study is the principles of state economic policy during the reign of Nicholas II. The views and activities of finance ministers S. Yu. Witte, V. N. Kokovtsov and P. L. Bark are considered. The author analyzes the reasons and essence of changes in the economic priorities of the state. During this period, the policy of the Ministry of Finance was characterized by serious fluctuations caused by objective and subjective circumstances.

Keywords: economic history of Russia, economic policy, Ministry of Finance, S. Yu. Witte, V. N. Kokovtsov, P. L. Bark

For citation: Zaytsev M. V. The problem of the continuity of state financial and economic policy in the era of Nicholas II: Witte, Kokovtsov, Bark. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 305–314 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-305-314>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

История развития экономики и финансов в эпоху правления последнего российского императора неоднократно оказывалась предметом исследования. Однако, что касается преемственности принципов регулирования экономики государством на различных этапах царствования Николая II, то здесь пока рано говорить о какой-либо единой концепции, которой бы придерживалось большинство специалистов.

В конце XIX – начале XX в. главная роль в определении целей и задач государственной финансово-экономической политики отводилась

Министерству финансов Российской империи, являвшемуся тогда де-факто «министерством народного хозяйства»¹. При Николае II это ведомство последовательно возглавляли всего три человека – С. Ю. Витте (1892–1903), В. Н. Коковцов (1904–1914) и П. Л. Барк (1914–1917), что можно считать необычным явлением для последнего царствования, поскольку главы большинства ведомств менялись гораздо чаще. Формально пост министра финансов занимали еще Э. Д. Плесске (16 августа 1903–4 февраля 1904 г.) и И. П. Шипов (28 октября 1905–24 апреля 1906 г.), но первый

был тяжело болен уже в момент своего назначения, толком не смог приступить к практической работе и даже не был утвержден в должности вплоть до увольнения, а второй весь недолгий период своего министерства находился под влиянием С. Ю. Витте, возглавлявшего тогда Совет министров. Так что говорить об их самостоятельном вкладе исторического масштаба в государственную экономическую политику не приходится.

Деятельность каждого из трех вышеупомянутых лиц изучалась с разной степенью интенсивности. Наибольшее внимание всегда привлекала фигура Витте, о работе которого во главе Министерства финансов много писали в XX в. такие крупные представители отечественной историографии, как Б. А. Романов, А. П. Погребинский, И. Ф. Гиндин, А. Л. Сидоров, Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин, В. С. Дякин, Л. Е. Шепелёв и многие др.² Из работ о финансово-экономической политике этого министра, опубликованных за последние два десятилетия, наиболее значительными представляются труды М. И. Долаковой 2005³ и 2011 гг.⁴, монографии М. В. Мельникова 2005⁵ и 2007 гг.⁶, а также докторская диссертация этого же автора⁷. Стоит упомянуть и написанную в 1960–1970-е гг., но увидевшую свет лишь в 2000-е гг. работу И. Ф. Гиндина⁸. Финансово-экономическая политика Коковцова оказывалась в поле зрения специалистов реже⁹, только в последние десятилетия его личность и деятельность стали изучаться более интенсивно¹⁰. Барк же вообще долгое время попадал на страницы исторических исследований лишь эпизодически, пока в начале 2000-х гг. не появился целиком посвященный ему фундаментальный труд С. Г. Беляева¹¹. При этом специалисты почти не пытались рассматривать политику, проводившуюся всеми тремя министрами, в качестве единого процесса. Цель данной статьи – анализ принципов, на которых строились финансово-экономические мероприятия государства весь период царствования Николая II. Необходимо ответить на вопросы: существовала ли преемственность экономической политики Министерства финансов и, если существовала, то в каких именно аспектах? Стоит уточнить, что под «экономической политикой» будет пониматься сочетание целей государства в области народного хозяйства и средств их достижения.

Принято считать, что министр финансов Витте имел определенную экономическую программу, которую последовательно осуществлял на занимаемом посту (такая точка зрения присутствует, в частности, в трудах Б. В. Ананьича¹², Л. Е. Шепелёва¹³, А. П. Корелина и С. А. Степанова¹⁴, Б. В. Ананьича и Р. Ш. Ганелина¹⁵). В своих воззрениях он опирался на учение немецкого мыслителя Даниэля Фридриха Листа, который полагал, что прогресс каждого современного государства выражается в переходе от аграрной к индустриальной стадии развития. В странах

же, где такой переход по каким-то причинам запаздывал, конкуренция со стороны передовых держав становилась тормозящим фактором и, чтобы его преодолеть, требовалась целенаправленная протекционистская политика государства, ограничивающего поступление чужеземных товаров на внутренний рынок. Эти главные идеи немецкого ученого Витте усвоил и сохранил до конца жизни. «Современное государство, – утверждал он в своих воспоминаниях, – не может быть великим без национальной развитой промышленности. Это показывает история. Это очевидно из современной действительности и, наконец, это ясно из экономической здоровой теории»¹⁶.

На посту министра финансов Сергей Юльевич исходил из того, что государство должно активно вмешиваться в экономические процессы и прежде всего поощрять развитие национальной промышленности. Только это, по его мнению, давало возможность стране успешно конкурировать с другими государствами на международной арене. «Создание своей собственной промышленности, – убеждал Витте Николая II в 1899 г., – это и есть та коренная, не только экономическая, но и политическая задача, которая составляет краеугольное основание нашей протекционной системы»¹⁷.

Для достижения этой цели предполагалось использовать несколько инструментов: 1) бюджетное регулирование, построенное на ограничении неприоритетных расходов и создании максимально благоприятных условий для отечественной индустрии; 2) стабилизацию национальной валюты ради укрепления кредитной системы и притока иностранных инвестиций в промышленность; 3) покровительственную таможенную политику, направленную на достижение активного внешнеторгового баланса и повышение конкурентоспособности российской промышленной продукции на внутреннем рынке; 4) развитие налогообложения, в смысле максимальной концентрации ресурсов в руках государства и направление их в сторону приоритетных сфер; 5) поощрение строительства железных дорог, которое стимулирует темпы промышленного производства как прямо (через заказы предприятиям), так и косвенно (через оживление экономической конъюнктуры). При этом автор программы прекрасно осознавал, что некоторые меры явно ударят по интересам отечественных аграриев, но в своих речах и текстах всячески старался ретушировать эту их сторону. «Из всех видов покровительства таможенная защита земледелия оправдывается наименее. Меры к подъёму сельского хозяйства должны быть иные – создание обширного внутреннего рынка путем развития местной промышленности, уменьшения накладных расходов посредством повышения техники и торговли сельскохозяйственными продуктами и подъема сельскохозяйственных знаний для лучшего использования почвенных богатств и уменьшения расходов производства»¹⁸, –

доказывал он в конце 1892 г. в своем первом докладе о государственном бюджете.

Необходимо подчеркнуть, что изложенная экономическая программа не являлась полностью оригинальной, а в основных элементах была заимствована Витте у лиц, занимавших пост министра финансов до него, что доказано исследованиями В. Л. Степанова, например его статьями 2004¹⁹ и 2017 гг.²⁰ Сергей Юльевич и сам признавал это вполне официально: «Я, вступая в управление Министерством финансов в 1892 г., считал своей обязанностью прежде всего выяснить себе основания торгово-промышленной политики моих предшественников и приложить все силы к тому, чтобы продолжить или закончить то, что было ими начато или, в свою очередь, унаследовано ими от своих предшественников»²¹. Н. Н. Покровский, карьера которого по большей части прошла на рубеже XIX–XX вв. в финансовом ведомстве, вспоминал: «Основы многого из того, что было восполнено (так в публикации. – М. З.) при С. Ю. Витте и даже позднее, при В. Н. Коковцове, были, несомненно, заложены Н. Х. Бунге. По крайней мере, сам С. Ю. Витте открыто указывал, что принципы многих из его реформ, напр[имер], денежной, были указаны Н. Х. Бунге. В области податной первые преобразования в промысловом обложении, которые положили начало постепенному переходу к окладной системе, были осуществлены при Н. Х. Бунге; при нём же отменены последние остатки подушного обложения. В других областях никто, как он, положил основу нашему рабочему законодательству и широкому развитию народных сбережений. Наконец, при нём создан Крестьянский банк, т. е. дано основание аграрному законодательству, которое, при дальнейшем планомерном развитии, сохранило бы основы экономического и социального строя»²².

Заимствовав у предшественников все, что казалось ему наиболее важным, Витте дополнил их положения собственными взглядами на задачи государственной экономической политики и на посту министра финансов вложил всю свою энергию в реализацию созданной таким образом программы. Вопросы урегулирования бюджета были поручены им В. Н. Коковцову, которого он специально для этого пригласил на должность товарища министра в 1896 г. Примечательно, что Коковцов до этого 6 лет прослужил статс-секретарем Департамента экономии Государственного совета, который ежегодно рассматривал роспись расходов и расходов Российской империи, и ему не раз приходилось указывать на недостатки смет, составляемых ведомством Витте. Теперь же его большой опыт в бюджетных делах использовался в интересах Министерства финансов для успешного проведения годовой росписи через Государственный совет и для отстаивания возражений на требования других ведомств об ассигновании средств²³. Работа приносила свои

плоды: с 1895 по 1902 г. обыкновенный бюджет России всегда сводился с профицитом, а по единой росписи дефицит образовывался лишь в отдельные годы из-за крупных чрезвычайных расходов на сооружение и выкуп казной железных дорог, досрочное погашение и конверсию займов, а также на усиление разменного фонда²⁴.

Кстати, источники дефицита указывают на то, что бюджетное равновесие для Витте не являлось самоцелью. Он легко шел на его нарушение во имя реализации элементов общей программы, в частности для создания необходимых условий денежной реформы, готовившейся еще его предшественниками на посту министра финансов, начиная с 1860-х гг. Благодаря многолетним коллективным усилиям в 1895–1897 гг. введение золотого монометаллизма наконец было осуществлено (этот вопрос хорошо изучен, например, в работах Л. Е. Шепелёва²⁵, А. П. Корелина²⁶, Б. В. Ананьича и Р. Ш. Ганелина²⁷, а также в коллективной монографии «Русский рубль: два века истории»²⁸). Российский рубль стал твердой валютой, что способствовало притоку иностранного капитала и ускорило модернизацию промышленности. Однако реформа имела и негативные последствия: нехватка бумажных денег для потребностей народного хозяйства, усиление зависимости страны от западных инвестиций, рост государственного долга, наконец, ущерб для аграрного сектора, нанесенный укреплением курса рубля и связанным с этим падением цен на сельскохозяйственную продукцию. Уже в рассматриваемую эпоху многие современники жестко критиковали Министерство финансов за верность золотому стандарту (об этом, в частности, пишут В. Ю. Байбиков²⁹ и В. Л. Степанов³⁰).

Налогообложение в годы министерства Витте постоянно росло, причем главным образом косвенное. За 10 лет (1892–1902) налог с торговли увеличился с 35 до 66 млн руб., акцизы (табачный, сахарный, нефтяной и спичечный) – с 75 до 146 млн руб., доход от таможенных сборов – со 130 до 205 млн руб.³¹ Увеличение этих показателей отчасти объясняется ростом экономики страны, но оно же вызывалось и изменениями, которые Министерство финансов вносило в принципы налогообложения.

Одним из косвенных налогов фактически являлись поступления от торговли алкоголем, где до середины 1890-х гг. действовала акцизная система. С 1895 г. начинается введение государственной монополии на торговлю крепкими напитками. Непосредственное осуществление этой реформы Витте поручил все тому же Коковцову, назначив его председателем Совета по делам казенной продажи питей. К 1902 г. монополия была введена уже в 63 губерниях и 8 областях Европейской России и Западной Сибири, а к 1904 г. предполагалось распространить ее и на Восточную Сибирь³². В 1902 г. доход от казенной продажи питей уже составил 462 млн руб.,

или 25,6 % всех обыкновенных доходов бюджета Российской империи³³.

Аккумулируемые государством ресурсы разными путями направлялись на поддержку отечественной промышленности и увеличение масштабов железнодорожного строительства. С начала 1890-х гг. Россия переживает второй железнодорожный «бум»: за 1893–1903 гг. в эксплуатацию введено 25 366 верст путей, из которых 10 561 составляли казенные, а 14 805 – частные³⁴.

В феврале 1904 г. пост министра финансов занял Коковцов и почти все последующее десятилетие основы государственной экономической политики определялись им. Исключение составили лишь несколько месяцев с октября 1905 по апрель 1906 г., когда он из-за несовпадения взглядов с Витте, занимавшим тогда пост председателя Совета министров, вынужден был временно оставить свою должность. Но даже в это время он частично сохранял влияние на экономическую политику, оставаясь членом Комитета финансов и принимая участие в переговорах о крупном займе с французскими банковскими кругами.

Период министерства Коковцова в силу объективных обстоятельств был куда сложнее, нежели время управления Витте. Российская промышленность еще не оправилась от последствий глобального кризиса 1900–1903 гг. и находилась в состоянии депрессии. Владимир Николаевич занял свой пост через несколько дней после начала Русско-японской войны, вызвавшей необходимость менять бюджетную политику и находить ресурсы для компенсации резко возросших чрезвычайных расходов³⁵. С января 1905 г. к этим трудностям добавились революционные события, которые ухудшили общую экономическую конъюнктуру, подорвали собираемость многих доходов бюджета и осложнили поиск кредита. Затем революция привела к изменениям в государственном строе России, что заставило Министерство финансов приспособиться к новым условиям работы, предусматривавшим сотрудничество с законодательными палатами, и поначалу в связи с радикальным составом первых двух Государственных дум продуктивное взаимодействие откровенно не складывалось³⁶. А после установления нового строя началась реализация широких социальных реформ и модернизация вооруженных сил (и на то и на другое государство должно было понести колоссальные затраты). Чтобы сохранить устойчивость финансово-экономической системы в эпоху повышенной турбулентности, от министра финансов требовались недюжинные способности.

Необходимо отметить, что Коковцов не был склонен к развитию оригинальных экономических теорий, хотя его подготовка в этом отношении вряд ли уступала подготовке его предшественника. Витте, окончивший физико-математический факультет Новороссийского университета, постигал экономическую науку частично на практике, а частично путем самообразования. Обучение

Коковцова в Александровском лицее предполагало освоение главным образом правовых дисциплин, но в последние два учебных года ему также преподавали курсы политической экономии, государственных финансов и статистики. Окончательно же его идеалы в области экономической политики сформировались во время практической работы статс-секретарем Департамента экономии Государственного совета (1890–1896) и товарищем министра финансов при Витте (1896–1902).

Коковцов никогда не скрывал, что не являлся новатором в деле управления финансами и не проложил новых путей для экономического развития страны. Как и Витте, свою главную задачу в качестве министра финансов он видел в том, чтобы «сберечь, охранить и развить» то, что было сделано его предшественниками. Однако главным пунктом своей программы он называл уже не насаждение всеми средствами национальной промышленности, а стремление сохранять бюджетное равновесие, т. е. покрывать обыкновенные и, насколько возможно, чрезвычайные бюджетные расходы обыкновенными доходами, не прибегая к займам. «Такую политику, – вспоминал он на закате жизни, – я всегда считал основой не только финансового, но и общего экономического благополучия государства»³⁷. К такому явлению, как бюджетный дефицит, он относился сугубо отрицательно, о чем в ноябре 1906 г. писал возглавлявшему правительству Столыпину: «Дефицит заставляет заключать тяжелые займы для его покрытия, нарушает правильность всех расчетов в государственном хозяйстве, подрывает доверие к государственному кредиту и колеблет народное хозяйство понижением расценки государственных бумаг, повышением ссудного процента и прекращением притока капиталов к производительным затратам. Свидетельствуя о финансовой и экономической слабости государства, дефицит умалет и политический престиж его». Особое внимание Коковцов обращал на то, что внешние и внутренние политические осложнения могут дополнительно усилить негативные последствия бюджетного дефицита³⁸.

Практическому осуществлению принципа бюджетного равновесия в первые годы его министерства (1904–1908) мешали объективные обстоятельства, поскольку война и революция, с одной стороны, резко повысили расходы, с другой – вызвали снижение доходов, при том, что стагнация в промышленности продолжалась. Только после выхода страны из политического кризиса и в результате улучшения общего состояния экономики удалось восстановить бездефицитность бюджета. Начиная с 1909 г., государственная роспись выполнялась с профицитом (за исключением небольшого дефицита в 1912 г.) по сумме обыкновенных и чрезвычайных статей³⁹. В этом же году российское правительство заключило последний до начала Первой мировой войны прямой государственный заем. Кроме того, Министерство финан-

сов провело несколько операций по погашению государственного долга, благодаря чему его общая сумма сократилась с 9054 млн руб. (на 1 января 1910 г.) до 8824 млн руб. (на 1 января 1914 г.), причем уменьшилась и доля платежей по нему в бюджете страны⁴⁰.

Таким образом Витте и Коковцов были в общем солидарны в необходимости поддержания бездефицитного бюджета (хотя первый и не считал это категорически необходимым), но расходились в цели, ради которой оно осуществлялось. Для Витте стабильный бюджет и золотое денежное обращение служили условиями привлечения иностранного капитала в экономику России для стимулирования промышленности, в том числе через прямые государственные займы. Коковцов был убежден, что подобные займы вредны, так как ставят государство в подчиненное положение, но золотой стандарт сам по себе является «фундаментом промышленной и экономической деятельности»⁴¹, поэтому его нужно всеми средствами оберегать.

Тем не менее Коковцов старался в доставшихся ему условиях продолжать линию своего предшественника по защите отечественной промышленности. Выступая в 1912 г. перед элитой московского бизнеса, он заявил: «С той поры, как я стал заниматься промышленными и экономическими вопросами, я был, есть и буду убежденным поборником покровительственной системы. Этого я никогда не скрывал, и считаю, что государство, ставшее 50 лет тому назад на путь ограждения собственной промышленности, такое государство не должно ломать этой линии, а должно вести её и дальше». Причем одним из главных инструментов защиты он назвал тарифную политику Министерства финансов⁴².

Впрочем, эти декларации не стоит переоценивать, тем более, что эта речь была адресована предпринимательским кругам. На заседаниях правительства риторика Коковцова могла существенно отличаться. Так, в августе 1911 г. он заявлял одному из коллег по кабинету: «Всякая отрасль промышленности может создаваться и поддерживаться только естественным путем, как результат спроса. При наличии благоприятных экономических условий соответствующая отрасль промышленности создаётся сама собой, при отсутствии же их она всегда будет влачить жалкое существование. <...> Искусственное насаждение промышленности, например, металлургической, ведёт всегда к последующим потрясениям»⁴³. А ведь, помимо намерений, необходимы еще и возможности для их осуществления. Витте проводил свою индустриализацию, не стесняясь выкачивать средства из сельскохозяйственного сектора. Бессмысленно рассуждать о том, продолжил бы его действия в этом направлении Коковцов, если бы находился в тех же исторических обстоятельствах. Известно, что одной из главных причин Первой русской революции являлся аграрный вопрос, по-

этому с 1906 г. правительство под руководством П. А. Столыпина пыталось осуществить в этой сфере масштабную реформу. В новых условиях ни один министр финансов (даже сам Витте) не смог бы противостоять переориентации акцентов государственной экономической политики.

А Коковцов совсем не был настроен в этом смысле радикально, на что уже давно обратили внимание специалисты. Так, Л. Е. Шепелёв утверждал, что Коковцов «выступал за параллельное с промышленностью развитие сельского хозяйства и ограничение казённого предпринимательства», и его отказ от активной финансовой политики (в смысле целенаправленного поощрения промышленности) «был вынужденным и в условиях того времени неизбежным»⁴⁴. В. С. Дякин на основе анализа государственных мероприятий в области сельского хозяйства пришел к выводу, согласно которому «Коковцов был последовательным сторонником промышленного развития страны и привлечения в этих целях иностранного капитала. В этом, как и в явно скептическом отношении к продуктивности усиленного привлечения вложений в сельское хозяйство, он продолжал линию Витте. Но Коковцов, во-первых, был против того форсированного индустриального развития, к которому прибегал Витте, создавая для целых отраслей промышленности условия всемерного благоприятствования. <...> Во-вторых, Коковцов действовал в условиях, когда политика насаждения промышленности изжила себя. С одной стороны, промышленность уже не нуждалась в государстве для привлечения иностранных капиталов, а с другой – достигла такого уровня, когда правительство, тем более оказавшееся в трудных финансовых условиях, и не могло содействовать их привлечению в нужных масштабах»⁴⁵. Интересно, что оба исследователя признавали соответствие финансово-экономической деятельности Коковцова той исторической обстановке, в которой она протекала.

Расхождение с Витте заключалось и в оценке самой роли государства по отношению к народному хозяйству. Коковцов не выступал принципиальным противником активного вмешательства власти в экономику, но считал, «что государство не должно быть монополистом, и что рядом с ведением казённого хозяйства в некоторых специальных областях должна быть всячески поощряема частная инициатива»⁴⁶. Среди таких «специальных областей», по его мнению, находилась сфера строительства и эксплуатации железных дорог, т. е. именно та отрасль, которая благодаря Витте с начала 1890-х гг. испытывала на себе особо активное вмешательство государства.

Интересно, что взгляды самого Сергея Юльевича на эту проблему претерпели определенную эволюцию. Начиная свою карьеру при Александре III, он выступал за создание железных дорог только на бюджетные средства и за постепенный переход частной железнодорожной сети в казен-

ную собственность. Однако в дальнейшем, оказавшись на посту министра финансов, Витте понял, что добиться необходимых темпов строительства новых дорог можно лишь методом параллельного развития частного железнодорожного хозяйства и казенного. При нем дополнительный приток инвестиций в строительство негосударственных путей стал обеспечиваться масштабной гарантией казны по облигациям, выпускаемым частными компаниями. Отрицательной стороной такой гарантии было фактическое превращение частных железнодорожных займов в государственные, но Витте доказывал, что это не отражается на общем кредите государства. Данные принципы были официально зафиксированы высочайше утвержденным положением Комитета министров в мае 1897 г.⁴⁷

Любопытно, что после внедрения такой системы темпы развития казенной железнодорожной сети России все равно опережали соответствующий показатель частной. Об этом свидетельствуют статистические данные. Так, за 1893–1897 гг. было введено в эксплуатацию 3339 верст казенных железных дорог (что в среднем составляло 667,8 версты ежегодно), а за 1898–1903 гг. – 7222 (1203,6 ежегодно). Частные дороги за 1893–1897 гг. увеличили свою протяженность на 6694 версты (1338,8 ежегодно), а за 1898–1903 гг. – на 8111 верст (1351,8 в год). Кроме того, за 1893–1903 гг. государство выкупило в свою собственность несколько линий частных обществ общей протяженностью в 13 849 верст. Национализация железнодорожных путей осуществлялась в тех случаях, когда та или иная компания не могла обеспечить их эффективную эксплуатацию и оказывалась не способна выплатить долг правительству по выданным ссудам и гарантии капиталов⁴⁸. Таким образом, попытки Витте стимулировать частную инициативу в деле развития железных дорог на практике не привели к революции в данной сфере, и государственный сектор здесь шел впереди.

Возглавив Министерство финансов, Коковцов настолько серьезно изменил принципы стимулирования железнодорожного строительства, что некоторые исследователи даже называют это самостоятельной программой⁴⁹. Предпринятые им меры должны были способствовать увеличению масштабов частного предпринимательства в железнодорожной сфере с параллельным снижением рисков для государства там, где это было возможно. В частности, 10 июня 1905 г. Николай II утвердил положение, составленное министром финансов, а затем совместно одобренное Департаментом экономии Государственного совета и Комитетом министров «О мерах к привлечению частных капиталов в дело железнодорожного строительства в России», предоставившее ряд дополнительных льгот частным компаниям. Стоит упомянуть и законопроект «О некоторых изменениях в условиях образования железнодо-

рожных предприятий», внесенный Коковцовым в третью Государственную думу в 1910 г. и предусматривавший ещё большие привилегии частным инвесторам, включая государственную гарантию не только облигаций, но и акций, хотя последний проект так и не был одобрен вплоть до его ухода с поста министра финансов в 1914 г.

Однако радикальных изменений в данной сфере вновь не произошло: темпы развития государственной доли железных дорог по-прежнему опережали соответствующий показатель частной: с 1904 по 1913 г. казенная сеть увеличилась на 7910 верст, в то время как частная всего на 2953 версты. Существенное замедление роста частного строительства объясняется тяжелым положением российской экономики в 1904–1908 гг., которое сильнее отразилось на частных предприятиях. Возможно, поэтому Коковцов старался всемерно поддерживать прежде всего именно второй тип железнодорожных обществ. На 1 января 1914 г. казенных линий, постройка которых уже была санкционирована правительством, но еще не осуществлена, было 1300 верст, в то время как аналогичных частных – 13 300 верст, т. е. в 10 с лишним раз больше. Помимо этого, объем средств, выделяемых из бюджета на казенные железные дороги и их подвижной состав, в 1904–1912 гг. постоянно снижался⁵⁰.

Витте и Коковцов по-разному смотрели на регулирование железнодорожной сферы еще в одном аспекте. Последний не считал безусловно необходимым перевод железнодорожных обществ из частной в государственную собственность (за исключением тех редких случаев, когда дорога имела военно-стратегическое значение). Вместо этого он старался поставить их деятельность в такие условия, чтобы она способствовала увеличению государственной выгоды. Коковцов использовал стремление частных компаний добиться отсрочки выкупа их предприятий государством, что предусматривалось для тех из них, чьи капиталы гарантировала казна. Во время перезаключения соглашений с действующими обществами или при создании новых Министерство финансов добивалось более широкого участия в прибылях предприятия, увеличения ведомственного контроля за расходованием строительных капиталов, гарантируемых государством, включения коронных чиновников в состав руководящих органов обществ и т. д. Помимо этого, основным условием перенесения выкупа на более поздний срок как правило являлось обязательство общества выстроить за свой счёт дополнительные пути⁵¹.

Фискальная политика Министерства финансов в данный период характеризуется тем, что новых прямых налогов не вводилось, были лишь немного повышены ставки промыслового налога, гербового сбора и пошлин с переходящих безвозмездно имуществ. К прямым налогам Коковцов относил и выкупные платежи, которые правительству вообще пришлось отменить по по-

литическим причинам в 1905 г., потеряв на этом около 90 млн. руб. ежегодных поступлений. Без учета выкупных платежей доля прямых налогов и пошлин в обыкновенном бюджете России принципиально не изменилась: в 1903 г. она составляла 11,9 %, а в 1913 г. – 14,8 %. Цикл реформ, осуществлявшихся правительством Столыпина, предусматривал и мероприятия финансового ведомства, среди которых были реформы налога с недвижимых имуществ, промыслового налога, наследственных пошлин и главное – введение прогрессивного подоходного налога с доходов, превышающих 1000 руб. в год. Все эти реформы должны были сделать податную нагрузку максимально соответствующей доходности облагаемых объектов. Однако в связи с упоминавшимися противоречиями между исполнительной и законодательной ветвями власти, а также по другим причинам реализовать удалось только реформу обложения городских недвижимых имуществ (закон 6 июня 1910 г.), тогда как остальные проекты на много лет застряли в законодательных палатах⁵².

Повышение косвенного обложения осуществлялось локальными мерами: в 1905 г. увеличены акцизы на пиво, дрожжи, нефтепродукты и спички, в 1909 г. – на табак и, кроме того, установлен налог на папиросные гильзы и бумагу⁵³. Коковцов, стоявший у истоков введения казенной винной монополии, продолжал считать ее целесообразной и финансово оправданной мерой, несмотря на резкую критику, все чаще раздававшуюся по этому поводу в обществе и законодательных палатах. В ведомственном издании, специально подготовленном им к 10-летию своей работы министром, он доказывал, что душевое потребление спиртного в России не растет (в последнее время оно даже снизилось, по сравнению с 1906–1907 гг.), а страна занимает по этому показателю предпоследнее место в Европе. Следовательно, он не видел причин отказываться от статьи, принесшей в 1913 г. 900 млн руб., или 26,3 % обыкновенных доходов государственного бюджета⁵⁴.

Забавно, что одним из главных критиков, выступавших в Государственном совете против «спаивания народа» в интересах пополнения бюджета, являлся не кто иной, как Витте. Он и другие оппоненты Коковцова, занимавшего с 1911 г. еще и пост председателя Совета министров, использовали питейный вопрос для настраивания общественного мнения против главы правительства. На этом фоне в январе 1914 г. интрига, развернувшаяся против Коковцова, привела к его отставке с обеих должностей, причем в своем письме по этому поводу Николай II обронил странную фразу: «За последние два года я не во всё одобрял деятельность финансового ведомства и сознаю, что дальше так продолжаться не может»⁵⁵. Какие конкретно поводы для неодобрения имелись в виду, царь не уточнил, но одним из них, безусловно, являлся пресловутый «пьяный

бюджет», по поводу которого тогда развернулась широкая капания в печати и в кулуарах.

Сменивший Коковцова на посту главы Министерства финансов П. Л. Барк начинал свою служебную карьеру именно в этом ведомстве. При Витте он занимал должности среднего звена, а в 1906 г. достиг поста товарища управляющего Государственным банком. После этого он ненадолго прервал государственную службу и несколько лет работал директором Волжско-Камского коммерческого банка. Но в 1911 г. Барка назначили товарищем министра торговли и промышленности, причем в правящих кругах многие были уверены, что его таким образом уже тогда готовили на место министра финансов (знал об этом и сам Коковцов)⁵⁶. Замена одного министра на другого 30 января 1914 г., как упоминалось выше, стала результатом масштабной интриги, в которой принимали участие многие влиятельные лица, в частности, С. Ю. Витте, В. П. Мещерский, Г. Е. Распутин, а ее центральной фигурой являлся главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин⁵⁷. Последний категорически разошелся с Коковцовым в пору совместной работы в кабинете Столыпина по вопросу о финансировании сельского хозяйства и теперь устранял препятствие для достижения своих амбициозных целей.

Смена министра финансов стала необходимостью, по мнению тех, кто её осуществлял, ради переориентации всей государственной экономической политики. «Новый курс» формулировался теперь преимущественно А. В. Кривошеиным, для которого назначенный председателем Совета министров И. Л. Горемыкин служил лишь ширмой. Уже в рескрипте на имя Барка (написанного Кривошеиным в присутствии Горемыкина⁵⁸) Николай II сетовал, что ему приходится наблюдать «печальные картины народной немощи, семейной нищеты и заброшенных хозяйств – неизбежные последствия нетрезвой жизни и подчас народного труда, лишенного в тяжкую минуту нужды денежной поддержки путем правильно поставленного и доступного кредита». «Нельзя ставить в зависимость благосостояние казны, – указывал он новому министру, – от разорения духовных и хозяйственных сил множества Моих верноподданных. А по сему необходимо направить финансовую политику к взысканию государственных доходов, добываемых из неисчерпаемых источников государственных богатств и от народного производительного труда, при соблюдении разумной бережливости постоянно соединять заботы об увеличении производительных сил государства с заботою об удовлетворении нужд народа»⁵⁹.

Основываясь на этой санкции императора, правительство Кривошеина и Горемыкина планировало широкие изменения, к которым, помимо борьбы со «спаиванием народа», относились: 1) «национализация кредита» (отказ государства

работать с еврейскими и инородческими банками); 2) усиление казенного предпринимательства (особенно железнодорожного) и государственного вмешательства в частную торгово-промышленную деятельность; 3) масштабные меры, направленные на поддержку сельского хозяйства, в том числе реорганизация учреждений аграрного кредита⁶⁰.

Однако реализация этой программы с самого начала столкнулась с объективными трудностями, из-за чего некоторыми элементами пришлось пожертвовать практически сразу. Например, уже в феврале 1914 г. Барк успокоил представителей крупнейших банков, заявив, что правительство не будет следовать антисемитским лозунгам, а Государственный банк будет, как и прежде, предоставлять кредит без каких-либо ограничений по национальному признаку. К лету того же года верхи отказались от введения дополнительных ограничений прав евреев и иностранцев в акционерных предприятиях. Осуществлению же амбициозных планов Кривошеина по увеличению государственной поддержки сельского хозяйства помешала Первая мировая война⁶¹.

Единственной крупной реформой, которую удалось осуществить представителям «нового курса», стало введение «сухого закона». Характерная деталь: с момента своего назначения Барк не делал ничего для ее реализации, ограничиваясь локальными мерами по сокращению торговли спиртным. Очевидно, он просто не знал, как именно компенсировать потерю четверти доходов бюджета. Только с началом мобилизации в июле 1914 г. правительство запретило торговлю виноводочной продукцией в регионах, охваченных призывными мероприятиями, а 22 августа Николай II распространил запрет на всю империю и пролонгировал его действие до момента окончания войны. Этот популистский шаг, лишивший бюджет России, вступающей в мировую войну, одного из важнейших источников доходов, привел совсем не к тем результатам, которых желали достичь его инициаторы. Ликвидация казенной торговли спиртным, естественно, вызвала резкий рост самогонарения, потребления суррогатов, корчемства и массу негативных социальных последствий от этих явлений⁶².

В связи с началом войны Россия вынужденно отказалась от золотой валюты: 27 июля 1914 г. Государственный банк объявил о прекращении размена кредитных билетов на золото. А кроме того, военные нужды заставили вновь прибегнуть к прямым внешним государственным займам. Так были запущены процессы, которые позже привели рубль к безудержной инфляции и поставили все денежное хозяйство на грань крушения⁶³.

Бюджетные принципы Министерства финансов также претерпели трансформацию, по большей части вынужденную. С самого начала Барк собирался отказаться от жесткости Коковцова, проявляемой к коллегам по кабинету в виде мак-

симального сокращения расходов ведомственных смет. Неизвестно как далеко он зашел бы на этом пути в обычных условиях, но военное время само по себе требовало разумной экономии в сферах, не связанных напрямую со снабжением армии. Война заставила вернуться и к бюджетному дефициту. Более того, она привела к нарушению бюджетного единства, поскольку специально созданный фонд, за счет которого финансировались военные нужды, де-факто стал вторым расходным бюджетом. Система «двух бюджетов» привела к появлению фиктивных доходов от уплаты пошлин на казенные заказы или от казенных перевозок по железным дорогам, которые оплачивались за счет самого же казначейства. Дефицит обычного бюджета удалось постепенно преодолеть за счет увеличения налогов (преимущественно косвенных), причем большинство налоговых новшеств принимались без одобрения Думы и Государственного совета, в порядке чрезвычайного-указного законодательства. К редким исключениям из этого ряда относится закон о подоходном налоге от 6 апреля 1916 г., который Барку удалось с трудом провести через законодательные палаты. Однако практическому применению этого нововведения помешала Февральская революция⁶⁴.

Финансовая политика Барка оказалась весьма противоречивой в связи со сложностями беспрецедентной по своим масштабам и по размерам денежных затрат войны. Изучив ее принципы во всех подробностях, С. Г. Беляев пришел к следующему выводу: «Ряд объективных причин способствовал ухудшению финансового положения России, как и других воюющих держав. Россия не могла избежать краха золотого стандарта, инфляции, роста государственного долга, упадка производства и прочих негативных факторов, связанных с военными действиями. Что же касается субъективных факторов, то, с одной стороны, П. Л. Барк сумел обеспечить казну необходимыми средствами для ведения боевых действий, с другой стороны – проводимая им налоговая политика отличалась известной хаотичностью и непоследовательностью, опиралась на старые и самим же финансовым ведомством осуждаемые методы, основанные на приоритете косвенного обложения»⁶⁵.

Исходя из изложенного, стоит заключить, что говорить о совершенной последовательности и преемственности государственной финансово-экономической политики в эпоху царствования Николая II не приходится. Отчасти это объясняется разницей во взглядах на цели и задачи государства в народно-хозяйственной сфере тех лиц, которые возглавляли Министерство финансов. Но гораздо большее влияние на деятельность ведомства оказывали объективные условия. Витте работал в эпоху экономического подъема, только в последние три года сменившегося кризисом (1900–1903), и относительного

внутреннего и внешнего спокойствия. Такая обстановка позволяла реализовать программу государственной индустриализации, пусть и не в том объеме, который был запланирован этим министром. Коковцову сначала пришлось решать задачи по спасению денежно-финансовой системы в эпоху Русско-японской войны и Первой русской революции, а затем изыскивать средства на обеспечение широкомасштабной модернизации страны, носившей одновременно политический, социальный и экономический характер. На долю Барка выпала труднейшая задача руководить финансами во время невиданной до этого по своим масштабам войны, когда вся экономическая политика была вынужденно переориентирована на военные потребности.

Активное вмешательство государства в экономику, декларированное Витте, не стало символом веры для Коковцова, который не считал нужным искусственно наращивать казенный сектор, тем более что в обстановке борьбы населения за политические свободы это вряд ли было возможно. Зато во время Первой мировой войны такая идея возродилась вновь, но уже не в смысле искусственного насаждения национальной промышленности, а в смысле мобилизации государством всех ресурсов ради победы. В 1906–1914 гг. в приоритетах экономической политики наметился было перелом, результатом которого могло бы стать повышенное внимание уже не к индустриальному, а к сельскохозяйственному сектору. Но этому помешала сначала смерть П. А. Столыпина, а затем опять-таки наступление военного времени. Так что, в отличие от Витте, Коковцову и Барку в их деятельности больше приходилось следовать прагматическим соображениям настоящего момента, нежели отвлеченным экономическим теориям.

Примечания

- 1 *Ольденбург С. С.* Царствование Императора Николая II : в 2 т. М. : Феникс, 1992. Т. 1. С. 31.
- 2 См.: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. Библиографический справочник. СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. С. 140–144.
- 3 *Долакова М. И.* Социально-экономические реформы С. Ю. Витте, 1892–1903 гг. СПб. : Инфо-да, 2005. 103 с.
- 4 *Долакова М. И.* Финансовая политика Российского государства во второй половине XIX – начале XX века. М. : АПКИППРО ; Academia, 2011. 208 с.
- 5 *Мельников М. В.* Финансовая политика России в конце XIX века. Путь к золотому рублю. Ковров : КГТА, 2005. 300 с.
- 6 *Мельников М. В.* Финансовая политика России в начале XX века. Эпоха золотого рубля. Ковров : КГТА, 2007. 457 с.
- 7 *Мельников М. В.* Финансовая политика России во второй половине XIX – начале XX в. : проблема становления золотого денежного обращения : дис. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 2009. 596 с.
- 8 *Гиндин И. Ф.* Государство и экономика в годы управления С. Ю. Витте // Вопросы истории. 2006. № 12. 2007. № 1–11.
- 9 См.: *Шилов Д. Н.* Указ. соч. С. 343.
- 10 См.: *Зайцев М. В.* Изучение государственной и общественной деятельности В. Н. Коковцова в современной российской историографии // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. 2017. № 1 (250), вып. 41. С. 123–132.
- 11 *Беляев С. Г. П. Л.* Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002. 619 с.
- 12 *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал. 1897–1914. Л. : Наука, 1970. С. 19–20.
- 13 *Шепелёв Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л. : Наука, 1981. С. 193–194, 204–210.
- 14 *Корелин А. П., Степанов С. А. С. Ю.* Витте – финансист, политик, дипломат. М. : ТЕРРА–Книжный клуб, 1998. С. 13–16.
- 15 *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. С. 67–68.
- 16 *Витте С. Ю.* Воспоминания. М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1960. Т. 2. С. 504.
- 17 Всеподданнейший доклад министра финансов С. Ю. Витте Николаю II о необходимости установить и затем непреложно придерживаться определённой программы торгово-промышленной политики империи // Материалы по истории СССР. М. : Издательство Академии наук СССР, 1959. Т. 6. С. 177.
- 18 Цит по : *Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв. / Ю. П. Бокарев, А. Н. Боханов, Л. А. Катыхова и др.* М. : Прогресс–Академия, 1994. С. 119.
- 19 *Степанов В. Л.* Предпосылки денежной реформы С. Ю. Витте : политика министра финансов И. А. Вышнеградского (1887–1892) // Отечественная история. 2004. № 5. С. 49–69.
- 20 *Степанов В. Л. С. Ю.* Витте – наследник Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградского // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия : Гуманитарные науки. 2017. № 10. С. 38–42.
- 21 Всеподданнейший доклад министра финансов С. Ю. Витте Николаю II... С. 175.
- 22 *Покровский Н. Н.* Последний в Мариинском дворце : воспоминания министра иностранных дел. М. : Новое литературное обозрение, 2015. С. 47–48.
- 23 *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого : правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М. : Новое литературное обозрение, 2000. С. 545.
- 24 Министерство финансов. 1802–1902. II Ч. СПб. : Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1902. С. 646–649.
- 25 *Шепелёв Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. С. 176–180, 223–226.
- 26 *Корелин А. П. С. Ю.* Витте и бюджетно-финансовые реформы в России конца XIX – начала XX века // Отечественная история. 1999. № 3. С. 48–53.

- ²⁷ Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Указ. соч. С. 70–73.
- ²⁸ Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв. С. 115–139.
- ²⁹ Байбиков В. Ю. Денежная реформа С. Ю. Витте в оценке консерваторов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2014. № 1 (13). С. 52–57.
- ³⁰ Степанов В. Л. А. Д. Нечволодов : критика денежной реформы С. Ю. Витте и апология номинализма // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 4 (9). С. 141–150.
- ³¹ Министерство финансов. 1802–1902. Ч. II. С. 640, 646.
- ³² Корелин А. П. Указ. соч. С. 57.
- ³³ Министерство финансов. 1802–1902. Ч. II. С. 646.
- ³⁴ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 966 (В. Н. Коковцов). Оп. 1. Д. 13. Л. 3 об.
- ³⁵ См. подробнее : Зайцев М. В. Министерство финансов России в период Русско-японской войны (изыскание средств для покрытия военных расходов) // Клио. 2002. № 2 (17). С. 88–95.
- ³⁶ См. подробнее : Зайцев М. В. Министерство финансов Российской империи и Государственная дума I–II созывов : взаимодействие в законодательной сфере // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 147–155. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-2-147-155>
- ³⁷ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. : в 2 кн. М. : Наука, 1992. Кн. 2. С. 302.
- ³⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 543 (Коллекция рукописей Царскосельского дворца). Оп. 1. Д. 298. Л. 5 об.
- ³⁹ Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1915 г. Пг., 1915. С. 44–45.
- ⁴⁰ РГИА. Ф. 966 (В. Н. Коковцов). Оп. 1. Д. 6. Л. 60 ; Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1913 г. СПб., 1913. С. 52–53 ; Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1915 г. Пг., 1915. С. 40–41, 58–59, 77, 80–81.
- ⁴¹ Промышленность и торговля. 1912. № 8. С. 394.
- ⁴² Там же. С. 397–398.
- ⁴³ Цит. по : Кризис самодержавия в России. 1895–1917 / отв. ред. В. С. Дякин. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. С. 428–429.
- ⁴⁴ Шелелёв Л. Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1987. С. 127.
- ⁴⁵ Дякин В. С. Деньги для сельского хозяйства. 1892–1914 гг. : Аграрный кредит в экономической политике царизма. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1997. С. 195–196.
- ⁴⁶ Коковцов В. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 304.
- ⁴⁷ Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 414 (А. В. Ивановский). К. 2. Д. 2 (Воспоминания А. В. Ивановского). Л. 149–150.
- ⁴⁸ РГИА. Ф. 966 (В. Н. Коковцова). Оп. 1. Д. 13. Л. 3 об.–4.
- ⁴⁹ См.: Катарин Д. Н. С. Ю. Витте, В. Н. Коковцов и реформы железных дорог в Российской империи в 1902–1913 гг. // Пятнадцатые Романовские чтения : всероссийская научно-практическая конференция (Екатеринбург – Алапаевск, 16–17 июля 2015 г.) : материалы. Екатеринбург : Квадрат, 2015. С. 105–113.
- ⁵⁰ РГИА. Ф. 966 (В. Н. Коковцов). Оп. 1. Д. 13. Л. 5 об.–6, 8–8 об.
- ⁵¹ Там же. Л. 7–9, 12–20 об.
- ⁵² Министерство финансов. 1904–1913. [СПб. : Б. и., 1914]. С. 101–110.
- ⁵³ Там же. С. 113.
- ⁵⁴ Там же. С. 6, 120–121.
- ⁵⁵ ГАРФ. Ф. 601 (Николай II). Оп. 1. Д. 1115. Л. 1–2.
- ⁵⁶ Коковцов В. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 243.
- ⁵⁷ ГАРФ. Ф. 892 (А. А. Гирс). Оп. 1. Д. 61. Л. 8 а–8 а об., 11 об.
- ⁵⁸ Кривошеин К. А. А. В. Кривошеин (1857–1921 г.). Его значение в истории России начала XX века. Париж : Imprimerie RIUF, 1973. С. 179.
- ⁵⁹ Высочайший рескрипт, данный на имя управляющего Министерством финансов П. Л. Барка // Голос долга. 1914. № 2. С. 143–144.
- ⁶⁰ Дякин В. С. Указ. соч. С. 327–329.
- ⁶¹ Там же. С. 327–339.
- ⁶² Аксёнов В. Б. «Сухой закон» 1914 года : от придворной интриги до революции // Российская история. 2011. № 4. С. 126–139.
- ⁶³ Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв. С. 175–181.
- ⁶⁴ Беляев С. Г. Указ. соч. С. 547.
- ⁶⁵ Там же. С. 549.

Поступила в редакцию 01.03.2021, после рецензирования 30.03.2021 принята к публикации 12.04.2021
Received 01.03.2021, revised 30.03.2021, accepted 12.04.2021